

ГРИГОРИЙ ЦАРЬКОВ

СВОЯ ВЕРШИНА

(экспедиционный дневник)

Вместо предисловия

Неожиданно позвонил Григорий Петрович Царьков:

— Не могли бы вы прочесть мой экспедиционный дневник о восхождении на Мак-Кинли? Как вы понимаете, мной при написании руководил совсем не писательский зуд. Сейчас столько отчаявшихся людей, в том числе поверженных этим пресловутым мировым кризисом... Люди опустили руки, некоторые даже сводят счеты с жизнью, и я хотел показать людям, что нет безвыходных ситуаций. А к вам я обращаюсь и как к писателю, и как к человеку, знающему горы.

Григорию Петровичу я не мог отказать. Более того, признаюсь, я испытал даже нечто вроде гордости, что он прислал свою рукопись именно мне.

Мне придется объяснить читателю, кто такой Григорий Петрович Царьков и что такое Мак-Кинли.

Пожалуй, начну со второго. Мак-Кинли — высочайшая вершина Северной Америки и самая северная горная вершина на планете высотой выше шести тысяч метров над уровнем Мирового океана. Но это ещё не всё. Мак-Кинли — единственный шеститысячник, находящийся севернее Полярного круга. То есть помимо проблем сузубо технических при восхождении на Мак-Кинли возникают проблемы, мягко скажем, климатического порядка. Сверхнизкие температуры (минус 40 градусов и ниже) с пониженной влажностью делают её климат одним из самых неприемлемых на Земле для человека. Самая большая опасность на Мак-Кинли — обморожение и переохлаждение (гипотермия). Сопротивление холоду понижается из-за высотного кислородного голодания (гипоксии) и обезвоживания.

Но и это ещё не всё. Высота собственно альпинистского восхождения порой не связана с абсолютной высотой горной вершины над уровнем моря. Например, альпинистское восхождение на Эльбрус начинается с плато, которое находится на высоте в 3800 метров, на пик Ленина — с высоты 4500, на Эверест — с 5200 метров. Восхождение же на Мак-Кинли начинается с высоты в 2200 метров, то есть истинная высота восхождения составляет (6194 минус 2200) 3994 метра, что сравнимо только с высотой восхождения на Эверест. Причём до начала собственно восхождения на Мак-Кинли нужно пройти ещё 20—25 километров по располосованным опасными и часто скрытыми трещинами ледникам.

Я сам не восходил на Мак-Кинли, но в какой-то степени могу представить сложность восхождения на эту вершину. Потому как восходил на вто-

рую по высоте полярную вершину — знаменитую Ключевскую сопку на Камчатке. Её высота 4850 метров, но восхождение на неё начинается почти с уровня океана — с высоты всего в 200 метров, к тому же уже на этой высоте на Камчатке, как и на Аляске, где находится гора Мак-Кинли, двадцатипроцентная нехватка кислорода. Из 14 человек, начинавших восхождение в августе, когда внизу, в долине реки Камчатки, стояла двадцатипятиградусная жара, до кипящего кратера, на ребре которого стоял двадцатиградусный мороз со сбивающим с ног и насквозь пронизывающим ветром, дошли только четверо.

Потому я имею некоторое представление о сложности покорения Мак-Кинли.

А теперь пришла пора рассказать о Григории Петровиче Царькове. Григорий Петрович родился в 1959 году в Башкирии, в Зауралье, в Зианчуринском районе. После окончания средней школы получил специальность слесаря-электромонтажника в Самаре, тогда Куйбышеве. В 1977—79 годах служил в Советской Армии. После окончания службы уехал в Хабаровск, работал на кабельном заводе опрессовщиком, где его и настигла беда. В январе 1986 года получил тяжёлую травму позвоночника, отнялись ноги, врачи оказались бессильны помочь, выписался из больницы инвалидом-колясочником I группы.

В июне 1986 года вернулся на родину, в Башкирию, обосновался в городе Кумертау. Но не только не пал духом, как многие в подобном положении, но стал примером для других, в том числе и не для инвалидов. Уже через несколько лет он — чемпион Башкирии в различных инвалидных видах спорта, чемпион России в гонках на спортивных инвалидных колясках. В 1995 году принимает участие в пробеге на спортивных инвалидных колясках по маршруту Уфа — Кумертау, в 2003 году — по северо-востоку Башкирии. Но и этого ему было мало: в 2001 году он без каких-либо сомнений принимает предложение Матвея Шпаро — участвовать в отборочных тренировочных сборах на горе Эльбрус с прицелом на восхождение на одну из высочайших вершин мира. И в 2002-м он совершает восхождение в составе команды на высочайшую вершину Северной Америки (Аляска, США) — гору Мак-Кинли высотой в 6194 метра.

Если вместе со мной на Ключевскую сопку поднимались физически здоровые молодые люди, более того, спортсмены, в том числе мастера спорта, то на Мак-Кинли совершили восхождение, пусть не совсем самостоятельно, пусть с помощью других, два инвалида-колясочника I группы с атрофированными ногами.

Это, безусловно, подвиг!

Это подвиг вдвойне, потому что Григорий Царьков и Игорь Ушаков из Курска совершили это восхождение не только для собственного самоутверждения, но и — показать другим, что в жизни нет безвыходных ситуаций. Григорий Царьков так и заканчивает свой экспедиционный дневник-размышление: “Я пишу эти записки для тех, кто хочет чего-то достичь, а также для тех, кто разочаровался в себе и разуверился в своих силах. Всем, кому сейчас трудно, кого сломило горе, недуг — всем вам хочу сказать, что выход есть! Для этого нужно примириться с Богом. Можно многого достичь и многое преодолеть под благословением Божиим! И пусть у каждого будет своя вершина, которую он обязательно преодолеет, и будет цель, которую он сумеет достичь. Я верю...”.

Люди, решившиеся идти к вершине Мак-Кинли в одной связке с инвалидами-колясочниками, а для Григория Царькова и Игоря Ушакова это была не просто горная вершина, а одна из главных жизненных вершин, может быть, даже не представляли всей сложности будущего восхождения, потому как уже после экспедиции на Мак-Кинли, после невероятного напряжения, уже дома остановилось сердце у Анатолия Соболева — врача экспедиции, специалиста по медико-социальной реабилитации инвалидов, опытного арктического путешественника, участника нескольких высотных горных экспедиций. А спустя какое-то время без вести пропал в горах Александр Губаев — мастер спорта по альпинизму, “снежный барс”, старший тренер сборной Киргизии по альпинизму, серебряный призер чемпионата СНГ 2001 года...

Скажем им спасибо, живым и мёртвым, выполнившим свой долг до конца.

Михаил ЧВАНОВ

Итак, команда: Матвей Шпаро – 1975 года рождения, москвич, руководитель экспедиции. В 1997 году возглавил экспедицию московских инвалидов на гору Килиманджаро (Африка). В 1998 году вместе с отцом, полярным путешественником Д. И. Шпаро, пересек на лыжах Берингов пролив. За этот переход имя Матвея Шпаро занесено в Книгу рекордов Гиннеса. В 1999 г. совершил восхождение на самую высокую вершину Северной Америки – гору Мак-Кинли. В 2000 г. руководил лыжным переходом через ледяной купол Гренландии.

Григорий Царьков – 1959 года рождения, инвалид I группы, автор этих заметок.

Игорь Ушаков – 1979 года рождения, уроженец Курска, инвалид I группы (в 1996 получил травму поясничного отдела позвоночника).

Борис Смолин – родился в 1961 году в Обнинске Калужской области. Опытный путешественник: в 1982–1994 годы участвовал в пеших и горных походах, зимних альпинистских восхождениях. В 1987-м в составе команды пересек с севера на юг пустыню Каракумы. В 2000-м участвовал в лыжном переходе через ледяной купол Гренландии.

Анатолий Соболев – москвич, 1949 года рождения, врач экспедиции и опытный арктический путешественник. Он участвовал в нескольких высотных экспедициях и как профессиональный врач, специалист по медико-социальной реабилитации инвалидов.

Олег Банарь – 1956 года рождения, уроженец Харькова (Украина), руководитель альпинистской части экспедиции. Кандидат в мастера спорта по альпинизму и спортивному ориентированию, участвовал в восхождениях на пик Хан-Тенгри, пик Гаршербрум-2, пик Ленина.

Виктор Афанасьев – 1979 года рождения, родом из Майкопа, до августа 2001 года спасатель МЧС. Виктор – альпинист 1 разряда, кандидат в мастера спорта по скалолазанию, совершил 10 восхождений на Эльбрус и восхождение на пик Ленина.

Максим Богатырев – земляк В. Афанасьева, 1975 года рождения, до августа 2001 года работал спасателем МЧС Республики Адыгея, руководил походами различных категорий сложности по горному, водному, лыжному туризму, совершил восхождение на пик Ленина.

Степан Гвоздев – 1967 года рождения родом из Красноярска. Альпинист 1 разряда, опытный турист, участник многодневных зимних лыжных походов по Алтаю, Кузнецкому Алатау, Туве.

Александр Губаев – 1964 года рождения, из Киргизии, уроженец Бишкека, “снежный барс”, мастер спорта по альпинизму, старший тренер сборной Киргизии по альпинизму, серебряный призер чемпионата СНГ 2001 года по альпинизму.

Александр Агафонов – 1958 года рождения, родом также из Бишкека. Мастер спорта по альпинизму, многократный чемпион Советского Союза, чемпион Вооруженных Сил СССР по альпинизму, совершил 8 восхождений на пик Ленина, участвовал в восхождениях на пик Победы, пик Коммунизма, пик Хан-Тенгри.

1. Гостеприимная Аляска

6 мая 2002 года. Соединённые Штаты Америки, город Сизтл. Прилетели уставшие: из-за перемены часовых поясов сутки у нас увеличились с 24 часов до 36. Посетили клуб деловых людей. Он расположен на 75-м этаже небоскреба, сооруженного из стекла и бетона. Страшно было приближаться к стеклянной, на вид такой хрупкой, стене, но любопытство оказалось сильнее. Летели на “Боинге-777”. Бизнес-класс был свободен, и Матвей договорился, чтобы нас с Игорем разместили там. Сделать это было не очень сложно. Во-первых, свободны были почти все места, во-вторых, Аэрофлот – наш спонсор. Мы выиграли в комфорте, но проиграли в обслуживании: нас просто не покормили. Хорошо, что Степан пришел проведать, узнать, не нужно ли нам чего. Он сходил куда-то, и нам принесли поесть, предложили напитки – в общем, стало как у людей.

Из Сизтла – прямым рейсом в Анкоридж. Встретили хорошо. Специально за нами была прислана машина с подъёмником для инвалидного кресла-коляски. Матвей хотел отправить нас на обычном легковом автомобиле, но

Патрик, водитель, очень удивился: можно ли ехать инвалидам в неподготовленной машине?

7 мая. Ночевали на горнолыжной базе для инвалидов. Сделали продуктовые запасы для экспедиции, немного успели расфасовать по рационам. Выяснилось, что в день на одного человека придёт из хлебобулочных изделий по полторы галеты и 10–12 крекеров. Для нас, русских хлебоедов, это очень мало.

8 мая. Приехали ночью в Талкитну. Небольшая деревенька с посадочной полосой для легкомоторных самолетов. Ночевали в палатке под навесом, было тепло, но тесно.

9 мая. Сегодняшнее утро началось с песни “День Победы”. Кто первый запел, не помню, но допели уже вчетвером на весь посёлок. Получилось не очень правильно, но от души.

В течение дня фасовали продукты. Второй день идёт дождь. В Анкоридже жили в деревянном двухэтажном доме. Это горнолыжная база для инвалидов. Она расположена в жилом секторе, столовая рядом. Всё приспособлено. Запомнилось и отношение совершенно незнакомых людей. На удивление приветливо с нами здоровались, даже маленькие дети посылали приветствие, сжимая и разжимая ладошку. Во время фасовки продуктов зашел разговор о предстоящем подъеме на Мак-Кинли. Кто-то предложил сходить на гору и обратно за один день. Шутку не сразу поняли, ведь на Аляске сейчас полярный день, и впереди еще не один месяц, пока он закончится.

10 мая. Артур разбудил всех в семь утра. Идёт небольшой снег, но и такое непогожее утро не смогло омрачить этот день, день моего рождения. Все меня поздравили, было приятно: все-таки впервые отмечаю его в Америке. Постепенно погода наладилась, стало тепло и солнечно. Зарегистрировались у рейнджеров (спасателей). Меня почему-то записали лидером, т. е. начальником команды. Выглядит это так: экспедиция Матвея Шпаро, лидер Григорий Царьков! Я принял это как еще один подарок ко дню рождения.

Весна на Аляске только начинается. За недолгое пребывание заметил, что в здешнем обиходе много русских названий. Есть горный хребет Николай. Слова “вилка”, “ложка” у эскимосов означают то же самое, что и у нас. Очень популярны изделия из дерева, резные рекламные щиты, фигуры зверей и животных, срубы жилых домов и административных зданий из калиброванного дерева, вместо пакли современный материал – силикон. Возле здания почты стоит телефон-автомат. Отсюда можно позвонить в любой уголок Земли, где есть телефонная связь. Звонок в Россию стоит 25 центов, независимо от того, куда будешь звонить: на Камчатку (она рядом с Аляской) или к нам в Башкортостан. Мне из Америки дешевле позвонить брату в Хабаровск, чем из дома.

Да, деревни в России и на Аляске очень разнятся по уровню жизненного комфорта. В наших деревнях в редчайшем случае можно встретить таксофоны.

11 мая. Спали в помещении аэропорта, было тепло, даже жарко. Спал без спальника. Ночью прилетели журналисты НТВ и академик Максимов. Ездили с Игорем на смотровую площадку, посмотреть Мак-Кинли возил нас Артур. Он живет в Анкоридже: переехал из России четыре года назад. Прежде жил в Рязани, был женат, но “заболел горой” (разговоры у него только о Мак-Кинли). Сам он был там несколько раз, поднимался разными маршрутами.

Гора выглядит грациозно и недостижимо. Эта величественная картина несколько поколебала мою уверенность в успехе экспедиции. Ведь не зря у американцев она не просто гора, а символ красоты, величия, могущества. Очень популярны снимки горы при ярком освещении солнца. Она в это время золотистого цвета и притягивает взгляд как огромный золотой самородок.

2. Подготовка к восхождению

В 19.00 местного времени улетаем на ледник Кахилтна, что расположен на высоте 2200 метров над уровнем моря и примерно в 15–20 километрах от Мак-Кинли. Вещи упаковали и отнесли к самолету.

12 мая. Прошла первая ночь на снегу. Высота 2200. Она ощущается небольшой болью в голове. Вчера ужин был какой-то сумбурный, неорганизованный. Сидели в “зиме”: кто где и кто как. Полярный день демонстрирует свои положительные черты: в 12 ночи светло так, что можно без напряжения читать.

В соседнем ущелье сошла лавина. Перед её сходом послышался сухой треск или хлопок, а затем уже шум быстро несущегося снега.

Сегодня первый рабочий день. На ледник летели на крошечном самолете. Довольно неприятная штука, когда тебя трясет, качает, все вокруг скрипит – одним словом, страшно. Сегодня академик Максимов предупредил, что мне нежелательно подниматься на вершину, т. к. возможно сильное кислородное голодание. Но если в процессе подъёма всё будет хорошо на 4200 и 5200, то можно будет идти и на вершину.

Расскажу немного о технике подъёма на специальных санях. Это приспособление похоже на инвалидное кресло-коляску, только вместо колёс – лыжи. Передо мной прикреплен рычаг высотой около 90 см, на нём закреплен жумар. Устроен он несложно. В снег забивают колья и прикрепляют блок, через который пропускают верёвку. Один конец верёвки привязывают к саням, а другой пропускают через жумар. Помощник позади меня держит верёвку, которая проходит через жумар, я отодвигаю рычаг от себя. Затем начинаю тянуть его на себя, жумар фиксируется, и я сам себя поднимаю вверх.

13 мая. Сегодня у Игоря день рождения, поздравил его, как только встали. Он как-то неловко улыбался. Смущается, наверное. Молодой парень, всего 22 года. Весёлый, отзывчивый, немного наивный, общительный. Держится молодцом, не всё у него получается, но, главное, есть стремление чего-то достичь, не лежать на диване и мечтать, а действовать, воплощать свои мечты.

Он в 17 лет стал инвалидом: разбился на мотоцикле. Школу заканчивал уже в инвалидной коляске. Отношения у нас с ним дружеские, бывает, правда, что по праву старшего по возрасту наставляю его в житейских вопросах. Он иногда соглашается, иногда нет, но жизнь показывает, кто прав.

Были мы с ним в Москве, жили в Царицыно. Помощников в этот день у нас не было, а ему захотелось съездить в центр на метро. Отговаривал его, как мог, что никто не захочет нас вытаскивать из подземки. Я за свои 15 инвалидных лет устал кого-то просить. Легче отказаться от поездки и посидеть дома. Но он не согласился и уехал. Через несколько часов приехал какой-то обескураженный, радости от поездки не было и в помине. Оказалось, что в центре ему быстро помогли, а когда приехал обратно, обращался ко многим с просьбой о помощи. Кто-то отворачивался в сторону, кто-то прямо отказывал, и он около часа просидел внизу, не имея возможности выбраться наверх. Видя тщетность своих попыток выбраться просто так, решил попробовать заплатить за добро. Предложил продавцу цветов поднять его за 50 рублей. Это было лицо "кавказской национальности". К его удивлению, кавказец сделал это бесплатно. После такого урока он перестал ездить на метро один.

... Мы уже третий день на леднике, и каждый день здесь солнечно и безветрено. На тренировке занимались на очень крутом склоне, было трудно, а порой невозможно самостоятельно подниматься. К вечеру погода стала портиться, появились перистые облака. На завтра намечается заброска продуктов и снаряжения по тропе восхождения. Жить в лагере уже устал, слишком долго длится подготовка, хочется быстрее включиться в настоящую работу. Максимов после очередного обследования дал добро на высокогорье. Сегодня работали на спонсоров, пришивали логотипы на палатки. Было время оглядеться по сторонам. Перед глазами – невообразимо красочная картина: небольшое облако цепляется за вершину горы и при этом светится, как северное сияние, такая круглая разноцветная летающая тарелка. Интересно наблюдать, вокруг много необычного, нового.

3. Мак-Кинли манит...

14 мая. Заброску снаряжения и продуктов отложили ещё на один день. После обеда съёмки для телевидения. Завтра мы с Борисом дежурные, подъем в 5-00, чтобы в 7-00 парни смогли пойти на заброску. Сегодня был первый тренировочный поход на лыжах далеко за лагерь. Мы с Игорем шли на палках, до этого тренировки были на жумаре. Шли траверсом, было очень трудно, сделаешь толчок и съезжаешь вниз с тропы, долго выбираешься, ещё толчок – и опять нужно выбираться на тропу. Иногда без посторонней помощи было невозможно подняться. После долгих мучений, глядя на то, что до

наших проблем никому нет дела, я в резкой форме обратился к Матвею. Он парировал: “Если трудно, нужно вернуться в лагерь, ох уж мне эти инвалиды”. Мне стало неприятно. Хотя я и понимаю, что не всё у него ладится как у начальника экспедиции, но почему-то мы с Игорем оказались крайними. Нам многое пришлось пережить, прежде чем принять участие в этом походе.

... Наше восхождение начнется с того, что мы спустимся на 200 метров по крутому склону, и только потом начнется постоянный подъем. До какой высоты дойдем, не знаю, но хочется до последней – 6194 метра.

16 мая. Подъем в 6-00. Переход до следующего лагеря прошёл хорошо. Игорь с места рванул во всю прыть и пришёл раньше меня часа на два. Я рад, что он горит желанием идти вперёд. У меня был пакетик со смазкой для лыж, чем я и воспользовался примерно посередине маршрута. Пересел на снег, перевернул свой снаряд, смазал лыжи, и двигаться стало легче. Во время этой процедуры меня обогнали двое в связке на расстоянии 7–10 метров друг от друга в снегоступах. Когда продолжил движение, они отошли от меня уже метров на 50–70, у последнего упал коврик. Видно, парень плохо прикрепил его к рюкзаку. Не замечая потери, они шли дальше. Я стал свистеть, кричать, но те двое шли, не оборачиваясь. Вдруг идущий первым остановился, за ним второй, и они оба обернулись назад. Я помахал им рукой и показал на коврик, лежащий на снегу. Второй повернулся спиной к товарищу и медленно снял свой рюкзак, отцепился от страховки и пошел обратно. Дойдя до коврика поднял его, помахал мне рукой и догнал товарища. Вот так, потеряв вещи, и замерзают, наверное, в горах. Шёл этот промежуток пути восемь часов. Радует то, что дошел без посторонней помощи, хотя и предлагали перед самым лагерем, но я отказался.

... Очень скучаю по Тане и Саше. Познакомились мы с Таней на республиканской спартакиаде инвалидов с ПОДА (поражение опорно-двигательного аппарата). У нас, в Башкортостане, подобные соревнования проводятся с 1989 года. В программе стрельба, плавание, шахматы, дартс, лёгкая атлетика и тяжёлая, армспорт. Вот на армспорте мы и познакомились. По регламенту соревнований в составе команды должны быть четверо мужчин и одна женщина. Инструктор пригласила Татьяну в команду ради “галочки”, а на деле все оказалось куда серьезней. Татьяна возьми да и выиграй! Мне пришлось выступить в роли “играющего тренера”: и выступать в команде, и подсказывать девушке, впервые участвующей в этом виде. Как подающую надежды спортсменку, Таню пригласили для выступления в лёгкой атлетике. А так как она ходит с палочкой, сочли, что она может выступать на коляске. Меня прикрепили к ней тренером. Она выиграла спартакиаду и была приглашена в сборную Башкортостана для выступления на чемпионате России. И уже на сборах по подготовке к соревнованиям мы стали тесно общаться, многое узнавали друг о друге, гуляли на природе, нам было интересно вместе. Для нашего спортивного клуба Таня была ценной находкой. Она неоднократно выигрывала на российских соревнованиях, завоевала первой из женщин нашего клуба звание “Чемпион России”. А для меня она стала той женщиной, с которой я связал свою судьбу. В далеком 1996 году мы зарегистрировались. Это было в апреле, и я прекрасно помню то время.

В апреле же я заочно познакомился с Дмитрием Игоревичем Шпаро.

Он позвонил к нам домой и ненавязчиво, но очень подробно стал расспрашивать меня. Оказалось, ему нужен был инвалид для участия в экологическом пробеге по маршруту Семипалатинск – Челябинск – Чернобыль, и Дмитрий Игоревич предложил мне принять в нем участие. Если бы вы знали, как я мечтал сделать что-нибудь серьезное в своей жизни, будучи уже инвалидом. А здесь такое заманчивое предложение! Но было одно “НО”, которое встало между мною и пробегом. Мы с Таней назначили бракосочетание на 19 апреля, и именно в этот день я должен быть в Питере для заказа коляски и урегулирования остальных процедур, связанных с пробегом. Я рвался на пробег, предложил Тане перенести бракосочетание, но она была тверда в решении: или сейчас, или никогда. Победила любовь, желание заботиться не только о себе, но и о других.

Я отказался от пробега, решив, что создать семью – тоже достаточно серьезное дело. Очень благодарен Тане, что сейчас у меня есть семья: жена, сын Саша и серьезное дело – экспедиция на Мак-Кинли. Дело я сейчас делаю, а вот по ним скучаю, даже восходя на эту вершину...

4. “Русские идут”

20 мая. Подъём в 6-00, завтрак, и сразу же выходим. Прошли примерно 3 км в длину и 400 метров в высоту. Шли пять часов, нормально двигаться мешал траверс (наклон влево или вправо).

Иностранцы сегодня не обгоняли. На базовом лагере 4200 много разговоров о нашей группе. Если бы я писал заметку в газету о маршруте, который мы проходим, то заголовок был бы таким: “Русские идут”. Альпинисты-иностранцы, глядя на нас, наверное, заключают пари, дойдут ли эти инвалиды до лагеря 4200 или нет. Борис сегодня часто падал, наверное, сказывается его болезнь. Иногда он просто повисал на веревке, по которой я поднимаюсь. Она проходит у меня над левым плечом, теперь плечо болит, ведь он весит около 90 кг. Мы с Игорем работаем по своим возможностям, а на дежурство ходим как все остальные, никаких скидок на инвалидность. Впереди нас ожидает известное и неизвестное. Известное – мороз, ветер, крутые подъемы. А неизвестное – как мы все это преодолеем? Сегодня разделся до плавок, тело отдохнуло от одежды, растерся снегом, взбодрился. Вокруг всё очень величественно и красиво, разломы спрессованного снега и льда достигают 15–20 метров, а есть и поболее. Запасы пресной воды огромнейшие. Столько снега я никогда не видел.

21 мая. Подъем в 6-00, сегодня мое дежурство. Завтрак варить не нужно, только вскипятить воды, ведь практически все продукты сублимированные: залил горячей водой – и завтрак готов. Вчера вечером приходил Прусс из Анкориджа пообщаться. Ему предложили брусничный кисель, мы им всех гостей угощаем, так как он очень вкусный. Но Прусс отказался. Аргумент его отказа был очень “весомый”. По его мнению, мы, русские, очень коварные люди и можем под видом киселя дать водки.

Сегодня отдых, а завтра предстоит первая высота, где мы пойдём на страховке, до этого большой опасности не было. Подобрались к первому опасному участку, которых впереди ожидается, наверное, много.

22 мая. После первых двух переходов не мог спать из-за боли в руках, всю ночь искал место, куда их положить. Сейчас, слава Богу, этого нет. Когда прошли очень опасный участок – глубокое ущелье слева от нас – на выходе был небольшой, метров 30–50, крутой подъём. Пройдя его, вышли на ровное место. Сижу, жду, когда подойдёт Агафонов и перецепит меня на другую верёвку. Мимо прошли парень с девушкой. Метрах в пяти от меня опустились на свои рюкзаки, достали энергетический шоколад и стали подкрепляться. Девушка стала разглядывать меня и, поймав мой взгляд, указала в мою сторону, похвалила мои сильные руки, подняв большой палец вверх.

Молва о нашей группе растёт и распространяется, мы постоянно на виду. Степан три раза сходил за вещами в лагерь на 3000 метров с 3400. А до нас дошёл слух, что наш альпинист сделал четыре ходки на 2800 метров, это больше 10 км в один конец, а ведь ещё и груз нужно тащить. Вот такие мы популярные, что про нас слагают небылицы. Это нам рассказал наш бывший соотечественник. Сейчас он живёт в Бостоне и с группой из семи человек тоже поднимается на Мак-Кинли. Те, кто нас догоняют, здороваются с нами по-русски, говорят “привет” и “удачи”.

Здесь уже ощущается, что вершина становится ближе. Чем выше поднимаемся мы, тем ниже опускается столбик термометра. Те, кто спускается с вершины, говорят, что там настоящая зима с сильными ветрами и морозами. Конечно же, холод внесёт определённый дискомфорт, но я не перестаю радоваться тому, что в палатке светло, для меня это такое же удобство, как электричество в доме, поэтому чувство комфорта меня не покидает. Спускались парни из Екатеринбурга. Они уже поднялись на вершину и идут обратно. Спросили у них: сможем ли мы поместиться всей командой на верхушке или нет. Они улыбнулись и успокоили: “Сможете, всем места хватит!”

Место, где остановились и разбили лагерь, называется Бергшрунд. Это ледник, у которого основная масса откололась от основания и немного съехала, отделилась от питающей его массы. Это место испещрено трещинами как явными, так и скрытыми. Шаг влево или вправо с тропы опасен для жизни.

23 мая. Встали в 6-30. Шли девять часов. Олег Банарь приготовил чай и кисель. Они со Степаном обогнали нас недалеко от лагеря, но пока мы добрались, успели накипятить воды. Олег пожал каждому руку и был неподдель-

но рад, что мы сделали еще один переход. Мы шли до этого лагеря девять дней, а обычно проходят этот маршрут за четыре-пять дней. Он сказал, что мы здорово потрудились. Отдыхаем.

24 мая. Соседи по лагерю подарили карту местности, где мы сейчас находимся. Я нанесу на ней наш маршрут. Ночью и утром было холодно и ветрено, сейчас солнце. Ждем наших парней, когда они поднимутся с грузом, чтобы накормить их. С Матвеем пытались сделать прикидку по времени: сколько уйдет на подъем с 4200 на 5200. Получается примерно 15 часов. Истина где-то рядом. Прикидывать можно сколько угодно, а результат покажет само восхождение.

25 мая. Когда поднимаешься вверх, то склон, по которому идешь, не кажется таким крутым, как если ты обернешься назад и посмотришь, туда, откуда пришел. Иногда кажется, что впереди тебя ровная поверхность или небольшой уклон, но это обман зрения. После крутого подъема идет небольшой перепад высоты, он и кажется уклоном, но только когда начинаешь проходить его, он плавно переходит в “ровное” место, а потом оказывается, что все равно это подъем, лишь “задний обзор” показывает правильную картину. Может, я уже писал про погоду. Она напоминает слоеный пирог или салат “под шубой”. У нас на 4200 солнечно и тепло, на 3400 пасмурно и снег, на 2200 тоже солнечно. Вот такая интересная погода здесь, на Мак-Кинли. В инструкции для восхождения на Мак-Кинли сказано, что трещины на склонах достигают 60 метров глубины. Поэтому все, кроме российских туристов, идут от ледника Кахилтна в связках, хотя тропа натоптана как проселочная дорога. Даже чтобы набрать чистого снега для кипячения воды, один страшит другого на веревке, вот такое у них отношение к собственной жизни. Сегодня и у меня пропала активность, наверное, как говорит Док, это биологический спад. Что бы там ни было, а делать ничего не хочется.

Наша команда очень популярна, всем интересно – как же человек, у которого не работают ноги, хочет взойти на одну из труднодоступных вершин, если даже в жилой местности не везде может передвигаться самостоятельно. Приходят, смотрят наши снаряды, желают удачи, не скрывая восторга. Американцы вообще все очень открыты, по крайней мере, складывается такое впечатление.

26 мая. Сидели до 12 ночи: приходил Джонни из Талкитны, той самой деревушки, откуда вылетают самолёты на ледник и на облёт вокруг Мак-Кинли. Он играл нам на губной гармошке. Во время знакомства он никак не мог выговорить мое имя – Григорий. Называл на свой манер “Грэгори”, и нашим понравилось.

5. “Это арктический альпинизм”

27 мая. Вчера приходил еще один иностранец, он услышал гитару. Им, людям рассудительным и прагматичным, не понять, зачем нужно брать с собой гитару? Ведь это не самый необходимый предмет для восхождения. И так много всего нужно тащить, а тут – гитара. Но нашим соседям по лагерю приятно прийти послушать...

Снег усилился, сыпался сухим и мелким пшеном. Видимость плохая, но и по такой погоде прилетал вертолёт, видимо, кому-то наверху опять стало плохо. По пустякам, да еще в такую погоду вертолет точно не полетит. Много обморожений, возвратов почти с вершины. Не дойдя каких-то пару сотен метров до цели, туристы спускаются вниз, чтобы не упасть обессиленными по дороге. За теми, кто не доходит, прилетает вертолёт. Меня терзают сомнения: что же там, наверху, действительно всё так серьезно, или восхождения совершают плохо подготовленные туристы? Наступит тот день, когда и мне придется проходить этот маршрут. Как же я себя буду там чувствовать? Мне боязно и хочется быстрее подняться туда, чтобы отпали сомнения и осталась реальность, тогда уже точно буду знать: выдержу эту высоту или нет.

Неумолимо приближается тот день, когда мы отправимся наверх и узнаем, как же там на самом деле. Как только наладится погода, ребята пойдут проवेशивать перила, поставят палатки, и только потом двинемся мы делать вызов одному из красивейших и недоступных символов Аляски. Одно могу сказать: подход к горе для нас был очень трудным. Порезал пальцы ножом,

не заживают. Док говорит, это от недостатка кислорода. Как узнали у рейнджеров, вертолёт прилетал забрать одного парня. Он потерял сознание на высоте примерно 6000 метров и пролежал там несколько часов, пока на него не наткнулся турист из Германии. Его имя – Том. Он по радиации сообщил рейнджерам, те вызвали вертолет. Том все это время был вместе с потерпевшим. Прилетел вертолёт, сбросил конец веревки. Том обвязал парня, и его по воздуху поволокли в лагерь на 2200. Там перенесли в самолёт и отправили в Анкоридж в госпиталь. Да, любое дело, к которому относишься как к самому главному, зачастую поглощает тебя полностью. И тогда человек забывает об осторожности. Иногда, идя к своей цели, не соизмеряет свои силы и возможности. Эти мысли не раз приходили мне в голову. Сомнения порождались и теми случаями, которые происходили наяву. Приходили на ум воспоминания, описанные участниками прежних восхождений.

“Это не просто альпинизм, это арктический альпинизм, со своими особенностями и сложностями. Мак-Кинли остается совершенно уникальной средой мировых вершин. Расположенная на 63 северной широте, она является самой высокой точкой около Полярного круга. Рассекая центральное плато Аляски, Мак-Кинли обвевается штормами залива Аляски и Берингова моря. Только в очень немногих горных областях мира погода меняется так стремительно резко. Приятный день путешествия по леднику может внезапно превратиться в день выкапывания снежной пещеры для выживания. Пронизывающий холод – ещё одна уникальная черта Мак-Кинли, сравниваемая только с Арктическими кряжами. Гималаи – тропики в сравнении с Мак-Кинли”. Такие факты удалось вычитать мне у Джонатана Вотермана в предисловии к книге “Выживая на Мак-Кинли”.

28 мая. Ночью снег перестал, и ударил мороз в минус 30. День уже разыгрался, а мороз не отпускает. За последние 10 дней десять спасательных работ. Статистика не утешительная. Поднимаются на вершину не более 60–70%. Остальные либо сами уходят вниз, либо на вертолете, а некоторые остаются там навсегда. В 1984 году японский путешественник Наоми Уемура совершал в феврале одиночное восхождение на Мак-Кинли. Это стало его последним путешествием, из которого он не вернулся. До сих пор неизвестно, поднялся он на вершину или нет, как и неизвестно, в каком месте он погиб. Горы...

6. “У вас одна дорога – только наверх...”

29 мая. Подъём в 5-00. Поднялись, как было намечено, накипятили воды, залили термосы горячим чаем. Парни позавтракали и отправились на работу, а мы легли спать. Проснулся в 11 часов. Идёт снег, мелкая крупа. Делать ничего не хочется. Не хочется даже тренироваться, хочется просто поваляться, поспать. Но, кроме моих желаний, есть руководитель, у которого другое мнение насчёт меня и, конечно же, Игоря. Пришлось отправиться на тренировку. Видел одного туриста, который возвращался с горы. Дошёл он до вершины или нет, я не знаю. Но шёл он, как человек в стельку пьяный: качался из стороны в сторону, оступался с тропы, откидывался назад, затем вперед, ловил равновесие. Иногда разворачивался, смотрел на гору и неуверенными шагами опять шёл к своей палатке. Это зрелище меня поразило. Как же я буду ощущать себя на высоте 5200 и выше? Рассказал об увиденном Матвею. Он сказал, что тоже видел его. А такое состояние вызвано “горняшкой” – нехваткой кислорода. Степан сказал, что у него на высоте 5200 всё было хорошо.

Непогода начинает надоедать. Снег идёт и идёт. Сегодня пришёл немец Хае. Он завтра уходит вниз: не смог взойти на вершину из-за непогоды. Он пришел ко мне спросить мой e-mail. Им, европейцам, невдомек, что для нас это еще роскошь – компьютер. Я дал ему адрес для письма, он оставил свой электронный адрес для писем. Вечером в “зиме” бурно обсуждали, делать нам тренировочный подъем с обратным спуском в лагерь или нет. Матвей спросил наше мнение: нам нужна такая тренировка или нет. Я был “за”, Игорь – тоже. Для хорошей адаптации альпинисты поднимаются выше своего лагеря, а потом спускаются обратно. Наши помощники восторга не выказали, но и отказаться не смогли.

30 мая. Поднялись до отметки 4600 метров, прошли хорошо, Агафонов сказал, если мы согласимся спускаться опять на 4200, он помогать не будет. У вас, говорит, одна дорога – только вверх. Ночевали в пещере. Оказывается, не так-то просто в ней ночевать. Нужно привыкнуть к тому, что снег – это надёжный материал, не обвалится. Мы же к этому не привычные. Как бы ни было страшно, а ночевать где-то нужно. Мы с Игорем расположились в одной стороне, Матвей с Борисом в противоположной, остальные ушли на 4200. До отбоя пришлось немного потрудиться, выравнивая потолок, чтобы сидя не касаться его. Поужинали, я поделился лавашем, который взял с собой. Матвей по достоинству оценил мою сообразительность. Немного поговорили и спать.

31 мая. Сегодня мы продолжим подъём вверх, а потом вниз на 4200. Подъём начали в 11-45. С первых же метров круто вверх, метров десять, затем полого метров 30–40 и через разлом небольшой, но глубокий. В ширину немного больше метра, а в глубину раз в десять поболее. И вот оно, первое непреодолимое препятствие – “стеночка” чуть больше двух метров высотой. За ней опять полого. Определить высоту стенки было просто: Борис ростом 190 см, а стенка немного выше его. Во время подъема в гору необходимо держать темп, не делать резких движений. Но это не для нас с Игорем, нам никак нельзя двигаться одним темпом, чтобы не сбивать дыхание и сердцебиение. Несколько резких движений и – мои сани висят вертикально, не доставая с полметра до верха. Хочу отметить, что в такой ситуации становится не по себе потому, что она мне не подконтрольна и я целиком завишу от помощника.

7. Самый главный штурм

1 июня. Сегодня первый день лета. Снег идёт большими хлопьями, и выпало его уже много. Спустились на 4200 быстро, без проволочек. Отрабатывали новую систему спуска, понравилось всем. Отдыхаем четыре дня и начинаем самый главный штурм. Спать буду один. Борис на высоте 5200 с Матвеем и Анатолием. Утешает то, что при хорошей погоде можно дней за десять дойти до вершины и спуститься вниз. Даже останется запас на непогоду. Одна ночёвка – 4600, вторая – 5200, день отдыха, затем ночёвка на 5900 и на вершину – 300 метров вверх и 1,5 км в длину и – мы на 6194 метрах... А потом на 5900, 5200 и 4200. Все просчитано, все кажется просто, но простота только на бумаге. Когда мы поднялись на 4600, то мне показалось, что правая нога сильно замерзла, но, слава Богу, только показалось. Дай нам, Господи, хорошей погоды на восхождение! Дай нам сил и долготерпения друг к другу!

3 июня. Встал в 8 часов. Вечером погода немного наладилась. Борис и все остальные спустились к нам в лагерь. Сейчас опять снег, сыро. Накипятил воды, попил какао и – на тренировку. Снега очень много, сани утопают. Ехать трудно.

4 июня. Сегодня на тренировке подошла ко мне молодая девушка, стала что-то спрашивать, что-то говорить, но по моей реакции поняла, что не понимаю. Спросила, говорю ли я по-английски. Я отрицательно покачал головой. Она сняла свое обручальное кольцо, показала на мое, спросила что-то про “women”. Махнула рукой в сторону, потом опять показала на кольцо и затем на наш лагерь. Я догадался что она спрашивает про жену – со мной она или дома, – и махнул рукой в сторону. Из ее объяснений я смог понять, что она журналистка и обещала придти к нам, пообщаться через переводчика. Плохая погода, которую обещали, прошла стороной. Подготовил свою одежду к восхождению: что нужно, высушил, заклеил пятки у валенок скотчем, чтобы меньше промокали, на штаны поставил новую заплатку. Старая, которую кто-то до меня ставил, отлетела. По цвету подобрать не смог: штаны чёрные, а заплатка фиолетовая.

С Анатолием немного позагорали. Во время обеда говорили о возвращении в Россию. Оно назначено на 25 июня. В этот день мы должны быть в Сиэтле. Скорее бы! Анатолий пообещал нам с Игорем презент за взятие высоты. Мол, старайтесь, народ! Поговорили даже о магазинах, в которые нам нужно будет зайти за покупками для себя и родных. Встреча всегда приятнее и радостнее, чем пребывание где бы то ни было, в любом самом привлекательном городе или стране, историческом или развлекательном месте. И ради этого можно куда-то ездить, чтобы опять была возможность испытать радость встречи! Но...

Как им без тебя? Ты наслаждаешься великолепными картинами природы. Вот жемчужные облака заполняют пространство под тобой, а на очередном подъеме открывается новая неопишуемо красивая картина. А в это время у твоих домашних обыкновенные будни, да к тому же усложненные твоим отсутствием. Встреча хороша для всех — и для меня, и для них. Но пребывание в семье, а не в отъезде, лучше. Как хочется окунуться с головой в ванну, а ещё лучше в прохладную реку или бассейн.

Вечером пришла Жоан с Мартином, своим мужем, оба медработники. С ними пришел напарник Карлос. Они втроем путешествуют по странам, вернее, по горам. Жоан и Мартин из Канады, Карлос — из США. Когда они поднимались на высоту 4200, было около 11 часов вечера. Жоан, дойдя до нашего лагеря, села на снег и сказала, что дальше не пойдет, замёрзла, и нет больше сил идти. Матвей стоял на улице и смотрел, как они подходят к лагерю. Услышав, что сказала Жоан, он пригласил ее передохнуть у нас в “зиме”. Мартин проводил ее в палатку, посмотрел внимательно на нас, что-то сказал ей и ушел. Мы с Игорем топили снег, готовили воду на завтрак. Матвей попросил кипятка для неё. Напоили Жоан какао, через некоторое время чаем со “сникерсом”. Матвей поговорил с ней, расспросил, кто они такие. Немного погодя пришел её муж, они с Карлосом поставили палатку и вскипятили воды, но оказалось, что мы её уже напоили чаем. Мартин поблагодарил нас, и они ушли, но обещали придти послушать нашего гитариста.

5 июня. Погода опять испортилась, идёт снег. Наши наверху, но работать не могут: у них тоже плохая погода, холодно и нет видимости, перила провешивать нельзя. Вся вершина покрыта плотными облаками. Целое утро говорили с Анатолием о Библии, Боге, о вечности, о браке, об эвтаназии, о вере и неверии и многом другом. Было много времени, было поднято много тем, много вопросов. Ведь человек задумывается, почему поступает так, а не иначе? Что думаешь об этом, а что о другом? Попытался донести до них мысль о том, что спасение человека происходит через веру, и что каждый за себя даст отчёт Богу. Хорошо бы им это запомнить и так жить. Анатолий говорит, что мы начали засиживаться в этом лагере, стала одолевать лень, теряется бодрость и работоспособность. По самым благоприятным прогнозам, нам сидеть здесь до восьмого числа, а ждать — очень тяжело. Снег перестал и усилился мороз... Ждать... Надо...

6 июня. Рейнджеры по-прежнему ожидают ураган в течение ближайших 48 часов. Мы с Игорем накипятили воды, а к нам зашли парни с Камчатки. Они только что поднялись на высоту 4200, попили чаю и ушли разбивать свой лагерь. Они узнали о нас ещё на трассе, а подходя к лагерю, увидели российский флаг. Как хорошо, что мы его вывесили. Когда решался вопрос о вывешивании флага, были еще предложения вывесить флаги Киргизии, Адыгеи и Башкортостана. Но Матвей сказал, что экспедиция в основном российская, и российский флаг в мире знают, а остальные никому не знакомы. На том и порешили. Вечером в нашей “зиме”, где раньше кое-как умещалось одиннадцать человек, сидело семнадцать. И все чувствовали себя довольно комфортно, пили какао, пели песни под гитару до половины второго ночи. Пришли Мартин, Жоан, Риккардо и россияне — Игорь, Сергей и Саша. Последний из камчатской группы, но живёт и работает в Америке. Когда ложились спать, в палатке было минус 2. Здесь большой дневной разброс температур: от минус 30 до плюс 15. Может случиться так, что за полчаса от теплой погоды не останется и следа. Резко нахлынет мороз со штормовым ветром, и на смену беспечности придут инстинкты самосохранения и выживания. Не зря все же полистал литературу перед экспедицией, много полезного почерпнул для себя. Ведь я не “снежный барс”, вообще не альпинист и даже не турист. Но должен все перенести, всё знать, как мои опытные товарищи. Теперь я понимаю, почему книги по восхождению на Мак-Кинли изобилуют предостережениями и советами о безопасности.

Вот выдержки из дневника альпиниста Джона Роскли, в чьей судьбе Мак-Кинли оставила неизгладимый след. “Мы недооценили продолжительность и силу аляскинских бурь, и теперь наши запасы составляли коробку макарон и полквартиры горючего. Наш подъем альпинистского стиля с 9-мм верёвкой до этого проходил нормально, спуск же с высоты 5000 метров с таким снаряжением представлял серьезную опасность. Но это было пустяком по сравнению с мозговым отёком, подкравшимся ко мне во время шторма. Я был полностью

слеп с интервалами в минуту. Ни разу за время десяти крутых экспедиций в Гималаях я не испытывал горной болезни, но Мак-Кинли обманчива. Из-за быстрого прохода лагеря на низкой высоте и нашего с Джефом быстрого подъема слишком высоко мы не успели акклиматизироваться. Мы не паниковали и даже не думали о помощи со стороны Службы Парка. Как гималайские ветераны, мы с Джефом поднимались в горы с единственной установкой: ответственность начинается и заканчивается на альпинисте. Мы начали спуск. Я спускался и устанавливал крючья, пока мог видеть, и терпеливо выжидал, пока пройдет очередной приступ слепоты. По мере того, как мы теряли высоту, периоды слепоты укорачивались, давая возможность двигаться быстрее. К наступлению ночи мы были на высоте 4000 метров и в начале следующего дня дошли до ледника Кахилтна. Моя слепота прошла, остались голод и чувство смущения. Моим единственным сожалением было то, что мы не восприняли Мак-Кинли с такой же серьезностью, как и ее более высоких, но и более теплых двоюродных сестер в Азии”.

8 июня. Погода опять плохая: ветер, мороз. Вставать не хочется, и лежать надоело. Если такая погода продлится на день дольше намеченного, то наш выход наверх отодвинется соответственно на день, а если на 2–3–4... Приходят парни с Камчатки, а также наши знакомые Мартин, Жоан, Риккардо. Опять в горах звучит гитара. Уже второй месяц “покоряем” самую высокую гору Северной Америки Мак-Кинли. Из-за плохой погоды невозможно предсказать, какого же числа мы будем на вершине. 13 июня – это число, которое наметил Матвей по предварительным подсчетам. Поживём, увидим.

10 июня. Встали поздно. Матвей говорит, что ругает себя за то, что проспал. С семи до девяти я ждал команду на подъем, но так и не дождался. Погода налаживается. Витек и Степан пошли на 3600 за продуктами и заодно опустят накопившийся мусор. Здесь такое правило: весь мусор собирать в специальные мешки и спускать с собой вниз на 2200, чтобы отправить самолетом в Талкитну. Появился мини-компьютер для игры в шахматы. Прошел только до пятой позиции, дальше пока никак, а всего их восемнадцать. Вечером опять были гости – поляки, норвежцы, австрийцы. Европейцы от других туристов отличаются тем, что с пустыми руками не приходят, а несут что-нибудь свое. Опять гитара, чай, русский кисель почему-то отсутствовал. После обеда в “зиму” зашел какой-то мужчина. Матвей обрадовался ему, и они начали оживленно разговаривать по-английски. Матвей вел себя с ним как со старым знакомым. Что-то знакомое было в его лице и для меня, но я не мог понять, что. Когда же Матвей сказал по-русски своему собеседнику, что нос-то все-таки он отморозил, я посмотрел внимательно на этого мужчину и узнал в нем нашего бывшего соотечественника, который сейчас живет в Бостоне. Нос у него опух так, что глаза стали узкими. Но, несмотря на свое обморожение, он был очень доволен тем, что смог подняться на вершину и благополучно спуститься сюда, на 4200. Лучше бы он не заходил к нам, ведь завтра и нам предстоит выход наверх, а тут лишние переживания, как же будет там, наверху. Выход назначили на 12 часов, подъем на 9-00. Наконец-то!

8. На вершину!

11 июня. Подъём в девять часов, небольшие сборы и – в путь. Свершилось! Пришли проводить нас парни с Камчатки. Саша помог мне выбраться на тропу. По такому глубокому снегу самостоятельно не проедешь. Этот жест с его стороны больше был похож на дань уважения, чем на проводы. Сани заваливались то влево, то вправо, пришлось использовать помощь со стороны. Прошли 17 верёвок. Это 900 метров в длину, а по высоте 400 метров. Погода хорошая: небольшой туман, снежная крупа, но тепло. Прошло четыре часа. Сегодня на обсуждении дальнейшего подъема Матвей поддержал моё предложение о помощи нам на особо крутых склонах.

Игорь шёл тяжело, говорит, что нужно было больше тренироваться в лагере, чтобы держать себя в форме, а он больше уделял внимание сну. Чувствую себя нормально, поднялся достаточно легко, трудно было почти до верёвок на палках. Вроде бы и подъема нет, но сани не ехали. А когда дошёл до станции, пропустил через жумар первую верёвку, оглянулся вниз и увидел, что подъем всё-таки был. Мы опять находимся на 4600, где пещера, но на

этот раз в ней будут ночевать наши помощники Борис и Анатолий, а мы – в палатке. От пещеры наверх, на 5200, тоже идут верёвки. Они начинаются напротив нашей палатки, и это доставляет нам с Игорем определенные неприятности. По верёвкам, как я уже говорил, ходят много альпинистов как наших, так и чужих. От их ног вниз летят снежные комья, которые попадают в нашу палатку. Мы заметили два больших кома, которые, к счастью, пролетели немного дальше палатки.

12 июня. Вышли в 10–00. Погода рабочая. Пролетали короткие, сильные порывы ветра, но было терпимо. Комки снега попадали в рычаг, который передо мной, разбивались о него, и мелкая колючая крошка впивалась в лицо, если не успевал отвернуться. Не знаю, о чем думать, о подъёме или о том, как уворачиваться. В начале нашего подъема, как я писал раньше, имеется трещина и двухметровая стеночка, где без посторонней помощи я не могу пройти. Борис помог мне снизу и стал искать, как ему подняться на эту стенку, чтобы помочь мне преодолеть её. Витек с Агафоновым делали свою работу так, лишь бы быстрее сделать. Станции делали без учета траверса, иногда веревка огибала скалу, и нам с Борисом приходилось очень тяжело. Он оттаскивал сани в сторону и удерживал их, а я в это время старался быстрее продвинуться вперёд. Когда лыжи попадали на каменный выступ, невозможно было сдвинуться с места, как бы сильно ни напрягался. Выручал Борис. Сегодня был очень сложный участок пути, называется Спасательный Кулуар. Его обычно используют для быстрой эвакуации с высоты 5200 на 4200. Анатолий тоже сильно устал. Говорит: “Не мальчик я, чтобы по горам лазить”. Макс и Губаев помогали Игорю и Анатолию. Макс даже придумал какую-то систему, чтобы не руками “жумарить”, а ногой. Двадцать веревок прошли за 8 часов, первые десять за 3 часа, а вот вторая часть пути вымотала основательно. Сейчас пишу, а все болит: руки суставы, мышцы, пальцы. Особенно трудно было на последних трехстах метрах. Уклон был 45%, а то и повыше. Носки лыж высоко задраны вверх. Ехал только на задниках. Устал сидеть согнувшись. Особенно устала шея, т. к. голова постоянно наклонена вперёд. Шея от этого оголялась, и снег попадал за шиворот. Было не до комфорта. Пришел от сильной усталости без настроения, какой-то пустой весь, но быстро восстановился.

Погода здесь сейчас хорошая, и говорят, что до конца недели будет такая. Слава Богу! Мои молитвы услышаны. Любоваться красотой вида, который открывается при хорошей погоде, нет сил, лежу и слушаю восторженные восклицания парней. Когда выходили из кулуара на ровную площадку, нас встретил Матвей. Он задавал какие-то вопросы, снимал на камеру. Нас приветствовали жители лагеря 5200, хлопали в ладоши и даже кричали “браво!” Скорее бы на вершину – и домой, к жене, сыну. Хорошо, что взял фотографию. Таня и Саша, я вас люблю, целую, скучаю.

13 июня. День, как и обещали рейнджеры, хороший. Если бы не сорвался наш первоначальный план восхождения, то сегодняшним днем мы пошли бы на вершину. Но, что ни делается, все к лучшему. Значит, нас ждет погода еще лучше. Сушим вещи, готовимся на 5900. Олег встречает иностранных альпинистов, тех, кто идет с вершины. Поздравляет их, расспрашивает о самочувствии и про обстановку на вершине. Один из альпинистов сказал, что ничего хорошего: поднялся, стошнило – и вот вернулся обратно. Вот так вершина, вот так радость победы...

14 июня. Агафонов напугал меня в пять утра. Он пришел к Олегу, стал громко говорить, что погода плохая, такой сильный ветер, что и вершину не видно. “Принимай решение: либо ты берешь на себя ответственность за всех, либо идём вниз”, – закончил он свою тираду. Олег ответил, что ещё есть время, ведь выход назначен на 10 часов. У меня сразу же пропал сон, и я стал молиться, чтобы установилась хорошая погода, чтобы мы смогли пойти в верхний лагерь на 5900. Не знаю, о чем говорил Олег с Матвеем, вскоре командиры объявили о выходе наверх, как и было решено, в 10 часов. Погода продолжала нас испытывать: крепкий мороз и небольшой ветерок трепали нам нервы. Поближе к назначенному времени я вышел и стал пристегиваться к саням, но застегнуться не смог: замерзли руки. Пришлось попросить Витьку, чтобы он помог. На палках вышли из лагеря к проवेशенным верёвкам. Пока дошел до них, согрелся, вроде бы не так уж и холодно, как показалось сразу.

Мы пошли опять новым маршрутом. Все ходят траверсом по склону Касина до гребня и по гребню идут наверх. Во-первых, траверсом нам идти очень тяжело; во-вторых, так длиннее; в-третьих, по гребню мы не сможем идти на санях из-за каменных выступов. Поэтому идём в лоб на 5900. Две первые верёвки, примерно 100 м, Витек “поджумаривал”, помогал мне, но потом переключился только на свою работу. Вышли в 10 часов утра, пришли в восемь вечера. Потрясающий по трудности день, при подходе к лагерю стало подташнивать. Док сказал, что это от перегрузки. С прекращением работы тошнота прошла. Прошли крутой участок и вышли на пологое место. Сил практически не осталось. Может, я рано расслабился? Был момент, когда захотелось всё бросить, ни о чем не думать, ни о чем не переживать, оказаться дома и знать, что тебе никуда не нужно идти. С усилием разогнал эти подленькие мыслишки, чтобы не тешить себя пустыми надеждами. Олег, видя мое подавленное состояние, решил подбодрить: “Совсем рядом, за этим вот бугорком будет виден лагерь”. Я ему говорю: “Ну да, давай рассказывай, я дойду до бугра, а там трамвай, который меня довезет до палатки”. Он засмеялся: “Раз шутишь, значит, не совсем устал, дойти сможешь”. Прошел мимо отверстия в снегу. Зияет что-то вроде колодца. Как-то не по себе стало. Опасность кругом, поэтому с тропы никто не сворачивает, кроме нас. Попили с Игорем чай, перекусили полукопчёной сёмгой и лежим, отдыхаем. Мы в палатке, остальные в пещере.

Отсюда открывается красивый вид, Утром постараюсь сфотографировать. Когда поднимаемся, стараюсь не смотреть вниз, потому что страшно. И даже красота, которая открывается внизу, не может вытеснить этот страх. Матвей предупреждал об опасности спуска, говорит, что несчастные случаи чаще всего происходят на спуске.

Когда мы поднимались от пещеры с 4600 на 5200, прошли уже больше половины пути, я увидел, как что-то полетело вниз по нашим веревкам. Пролетев несколько метров, это “что-то” подлетело вверх и ударило о снег. Я решил, что это рейнджеры тренируются: отрабатывают на макете приемы быстрого спуска. Ведь мы идем по Спасательному Кулуару. Но через какое-то время заметил, что это не макет, а человек. Позже, когда мы подошли к этому участку, попросили его освободить веревку для нашего подъема. Он кое-как отполз в сторону от веревки метра на два, вжимаясь в снег всем телом. На него невозможно было смотреть без сожаления.

9. Звёздный час

15 июня. Ночь показалась мне тяжелой: из-за высоты не спалось. За хлопотами забываю о головной боли, ведь собираемся не куда-нибудь, а на вершину! Сегодня месяц и четыре дня, как мы прилетели на ледник. Больше трех недель здесь никто не задерживается, только мы старожилы. Синоптики не обманули: легкий ветер, мороза нет. Наша связка собралась и вышла к склону, который ведет на Футбольное Поле. Пропустил веревку через жумар, поставил рычаг в рабочее положение и вдруг почувствовал, как все тело стала бить легкая дрожь. Как на соревнованиях перед ответственным стартом. Подошел Степан и сказал: “Ну, что, Григорий, вот и настал твой звездный час...” Я промолчал, думать об этом не хотелось. Ведь я ни разу не был на такой высоте и не знаю, как поведет себя мой организм, когда начнем подниматься выше.

Прошли пологий подъем метров 150 и покатались по тропе, по которой ходят восходители, но недолго. Повернули с тропы налево – опять подъем, крутой, но короткий, метров 20. Взобравшись на него, оказались на Футбольном Поле. Я не знаю, в связи с чем даются такие названия, но на футбольное поле та местность явно не походила. Во-первых, поле было не ровное, а полого спускалось вниз. Во-вторых, оно все было в снежных застругах высотой до полуметра и выше, через которые нам предстоит пробираться. Метров через 300 видны наши веревки и подъем в 30–40 градусов и протяженностью метров 500. А там – вершина... Но вначале нужно преодолеть этот труднопроходимый участок. Чтобы не идти траверсом, мы пошли вниз, а затем стали подниматься в “лоб”. Так путь длиннее, но мороки меньше. Связка Игоря применила тактику маятника. И так мы, каждый своим путем,

стали пробираться к провешенным перилам (веревкам) на начале склона. Попадая в ямы и наезжая на заступы, мои сани то и дело пытались опрокинуться. Борис поддерживал, иногда оттаскивал в сторону, уходил вперед выдергивать из-под снежного заступа веревку. Он нервничал: ему это явно не нравилось. Мне — тоже, но другого пути нам никто не предлагал. Из-за того, что сани наклонялись то влево, то вправо, мне было неудобно сидеть и еще неудобней работать. Не заметил, как нервное состояние Бориса передалось и мне, хотя я не выказывал признаков раздражительности. На резкие замечания Бориса старался отвечать спокойно. И вот, наконец, потеряв много сил и нервов, мы прошли это поле.

... От вершины нас отделяют каких-то метров пятьдесят. Мы вместе с Игорем прошли по ровному участку, идя бок о бок, и стали взбираться на небольшую десятиметровую возвышенность. Это был предел наших желаний за прошедший год. Небольшая возвышенность была тем желанным местом, ради чего я изнурял себя тренировками, к чему целенаправленно готовился целый год. И вот она всего в нескольких метрах... Верёвки провешены параллельно, и мы с Игорем вместе поднимаемся на вершину. Из последних сил тяну рычаг на себя снова и снова. Вот остается несколько движений и...

Руки опускаются вниз, подбородок уперся в грудь. Ни радости, ни восторга, одна усталость.

Макс принес и протянул мне круглый географический знак, обозначающий пик Мак-Кинли. Когда я взял его в руки, тогда только у меня появилась радость: вот и исполнилось мое желание! Вот она, вершина, вершина мечты. Достиг! Слава Богу! Мозг сверлила мысль: не забыть сфотографироваться с российским флагом. Достал приготовленный флаг и попросил сфотографировать, ведь на пребывание в столь желанном для многих месте отводится обычно несколько минут, и — вниз. Началась череда поздравлений: жали друг другу руки, обнимались крепко, по-мужски. Нас с Игорем поздравляли особо, ведь мы первые из инвалидов-колясочников поднялись на такую высоту.

Матвей взял меня за плечи, наклонился ко мне и сказал: “Поздравляю тебя с вершиной и верю, что у тебя будут и другие вершины”. О каких вершинах он говорил, я не знаю, а уточнять не стал, принял как обычное поздравление. Особой радости почему-то не было. Наверное, невозможно сразу же осознать то, что мы смогли всё-таки подняться. Агафонов, многократный чемпион по альпинизму, говорит, что он тоже до конца не осознает того, что мы сделали это. Но это восхождение будет самым ярким воспоминанием в его жизни.

Окончив съемки и поздравления, засобирались вниз. Ведь это только половина дела — подняться на вершину, а есть другая половина, более ответственная, — это спуститься живыми и невредимыми вниз на 2200.

Слава Богу, все обошлось. Мне приходилось читать об опасностях, предостерегающих путешественника на горе. Мы сумели избежать сложностей, но иногда были на самом краю.

10. Преодолеть свою вершину... (вместо послесловия)

В адрес экспедиции были присланы поздравительные телеграммы. В телеграмме Владимира Путина были такие слова: “...Восхищён мужеством спортсменов-инвалидов, которые в составе команды поднялись на вершину. Вы не просто покорили легендарную горную высоту, но и взяли еще один рубеж в вашей жизни”.

Пришло поздравление и от мэра Москвы Юрия Лужкова: “...Уверен, что нынешняя победа на Мак-Кинли станет не только страницей истории этой вершины, но и явится примером стойкости и мужества, послужит импульсом в формировании общества равных возможностей, что является актуальнейшей задачей современной жизни”.

Были тёплые пожелания от Президента Республики Башкортостан Муртазы Рахимова: “...Ваша акция имеет глубокий социальный смысл, она еще раз подтвердила, что инвалиды и здоровые могут работать вместе. Особо мы гордимся нашим земляком Григорием Царьковым из Кумертау”.

От губернатора Курской области Александра Михайлова: “...Уважаемый Матвей Дмитриевич! Поздравляю Вас, курянина Игоря Ушакова и других чле-

нов команды с победой на Аляске. Ваша экспедиция на вершину Аляски – пример прекрасно организованного мероприятия национального масштаба – пример патриотической акции”.

Спикер Брайн Потер из Анкориджа (Аляска, США) так отозвался о нашей экспедиции:

“...Вы стали героями для всей Аляски, Америки и особенно для ваших земляков в России. Мы благодарны и горды, помогая вашей экспедиции в достижении таких важных целей. Наиболее примечательно, как ваша экспедиция продемонстрировала всему миру, что человек с ограниченными физическими возможностями может достичь того, о чем многие здоровые люди лишь мечтают”.

После прилёта в Москву были пресс-конференции, различные встречи, интервью...

И вот прошло время... К сожалению, двоих членов экспедиции уже нет в живых: Соболев Анатолий умер от остановки сердца у себя в квартире. Губаев Александр пропал без вести в горах...

Самолет поднялся над облаками. Слишком много всего произошло. Многого предстоит обдумать и во многом разобраться. Многого понять. Но, мне думается, кое-что я уже понял. Понял, что у меня есть дом, где меня ждут мои любимые люди. Я понял, что у меня есть Родина, огромная и самая дорогая. Я понял, что многое можно совершить и в нашей стране и в мире. У нас много единомышленников.

Я пишу эту записки для тех, кто хочет в жизни чего-то достичь, а также для тех, кто разочаровался в себе и разуверился в своих силах.

Всем, кому сейчас трудно, кого сломило горе, недуг – всем вам хочу сказать, что выход есть! Для этого нужно примириться с Богом. Можно многого достичь и многое преодолеть под благословением Божьим! И пусть у каждого будет своя вершина, которую он обязательно преодолет, и будет цель, которую он сумеет достичь. Я верю.